

DOI: 10.31862/2500-2988-2021-12-2-51-65

Т.Л. Лабутина

Институт всеобщей истории Российской академии наук,
119334 г. Москва, Российская Федерация

Стратегия и тактика британской дипломатии на переговорах о союзном договоре с Россией 1741 г.

В статье речь идет о российско-британских переговорах по вопросу о подготовке к заключению союзного договора 1741 г. В преддверии войны с Испанией Великобритания нуждалась в помощи сухопутных войск, которые могла ей предоставить Россия. В свою очередь, российская сторона была заинтересована в оказании ей накануне войны со Швецией поддержки со стороны англичан на море. Взаимная заинтересованность в союзе двух стран наталкивалась на серьезные противоречия, которые возникали при обсуждении отдельных статей договора. Важную роль в разрешении дипломатических сложностей и подготовке проекта договора сыграл британский посол в России Клавдий Рондо. Его переписка с госсекретарем Великобритании, анализ которой положен в основу статьи, позволила оценить стратегию и тактику британской дипломатии в переговорном процессе с русскими министрами. Подобное исследование предпринимается в отечественной науке впервые.

Ключевые слова: Великобритания, Россия, XVIII век, международные отношения, британский посол Клавдий Рондо, дипломатические переговоры, российско-британский союзный договор 1741 г.

© Лабутина Т.Л., 2021

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International License
The content is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Лабутина Т.Л. Стратегия и тактика британской дипломатии на переговорах о союзном договоре с Россией 1741 г. // Лocus: люди, общество, культуры, смыслы. 2021. Т. 12. № 2. С. 51–65. DOI: 10.31862/2500-2988-2021-12-2-51-65

DOI: 10.31862/2500-2988-2021-12-2-51-65

T.L. Labutina

Institute of World History, Russian Academy of Sciences,
Moscow, 119334, Russian Federation

Strategy and tactics of British diplomacy in the negotiations on the treaty of alliance with Russia in 1741

The article deals with the negotiations between the British and the Russians on the preparation for the conclusion of the treaty of alliance of 1741. In the run-up to the war with Spain, Great Britain needed the help of the ground forces that Russia could provide. In turn, the Russian side was interested in providing it with support from the British at sea on the verge of the war with Sweden. The mutual interest in the union of the two countries ran into serious contradictions that arose when discussing individual articles of the treaty. The British Ambassador to Russia, Claud Rondeau, played an important role in resolving the diplomatic difficulties and preparing the treaty draft. His correspondence with the British Secretary of State, the analysis of which is the basis of the article, allowed us to assess the strategy and tactics of British diplomacy in the negotiation process with Russian ministers. This is the first such study in Russian history research.

Key words: Great Britain, Russia, XVIII century, international relations, British Ambassador Claudius Rondeau, diplomatic negotiations, Anglo-Russian treaty of alliance of 1741

FOR CITATION: Burlakov A.N. Constitutional and decentralization projects of the Vichy regime (1940–1944): The heritage of the past in contemporary France. *Locus: People, Society, Culture, Meanings*. 2021. Vol. 12. No. 2. Pp. 51–65. (In Russ.) DOI: 10.31862/2500-2988-2021-12-2-51-65

14 декабря 1720 г.¹ произошел официальный разрыв дипломатических отношений между Великобританией и Россией из-за ряда сложностей, возникших между государствами. Между тем, торговые отношения двух стран продолжали развиваться, хотя и не в прежнем объеме, что наносило весомый урон промышленности и торговле, прежде всего, Англии. Неудивительно, что британцы начали предпринимать определенные шаги для налаживания дипломатических контактов. Летом 1728 г. два английских дипломата Томас Уорд и его секретарь Клавдий Рондо² прибыли в Петербург с целью восстановления дипломатических отношений и торговли в прежнем объеме. Первая часть их миссии была успешно выполнена при Анне Иоанновне: дипломатические отношения удалось восстановить в 1731 г. Что касается торгового договора, то британцам за него пришлось серьезно побороться, впрочем, как и за союзный договор.

Следует отметить, что два трактата (торговый договор 1734 г. и оборонительный, или союзный договор 1741 г.)³ занимали в истории российско-британских отношений первой трети XVIII в. важное место. Поскольку торговый договор 1734 г. в полной мере устраивал Великобританию, ее правительство поначалу не торопилось заключать союзный трактат с Россией, т.к. не желало брать на себя каких-либо обязательств в то время, когда шла Русско-турецкая война (1735–1739). Однако успешное завершение Россией войны с Портой при осложнившемся положении в Центральной Европе накануне борьбы за Австрийское наследство, а также назревавшая война с Испанией заставили британцев добиваться союза с Россией. Переговоры о заключении союзного, или оборонительного договоров [1] начались в 1739 г. и продлились более двух лет. О подготовке к переговорам и обсуждении первоначального проекта договора и пойдет речь в данной статье.

Большую роль в переговорном процесс сыграл британский посол при дворе Анны Иоанновны Клавдий Рондо. О том, как это происходило, он подробно информировал госсекретаря Великобритании У. Стэнхупа, лорда Гаррингтона. Их дипломатическая переписка позволила ознакомиться, что называется, с закулисной «кухней» переговоров. Заметим, что все нюансы заключения торгового договора довольно подробно анализировались учеными, как зарубежными (Р. Лодж, Д.К. Ридинг и др. [10; 13], так и отечественными (П.А. Остроухов, В.В. Лебедев,

¹ Все даты в статье даются по новому стилю.

² После смерти Т. Уорда в феврале 1731 г. Рондо в течение 10 лет представлял интересы британской миссии в Петербурге, получив возможность узнать жизнь русского двора и аристократии изнутри.

³ Наряду с терминами «союзный» и «оборонительный договор» в литературе реже используется термин «Петербургский союзный договор» [2].

А.В. Демкин и др. [1; 6; 7]. История с переговорным процессом по союзному договору освещена значительно слабее. Как правило, данный сюжет затрагивается в трудах британских [9–13] и российских историков [11; 12] поверхностно.

Несколько слов о главном «переговорщике» с британской стороны. К сожалению, известно о нем немного. Клавдий Рондо (1695–1739) родился в семье французского протестанта, который поселился в Англии и вскоре сделался английским баронетом. Сложно сказать, что предшествовало назначению Рондо на должность секретаря посла Т. Уорда, но, как бы то ни было, после кончины патрона в феврале 1731 г. он занял должность главного консула, а с 1731 по 1739 гг. стал министром-резидентом при дворе императрицы Анны Иоанновны. Определенную известность Рондо приобрел благодаря двум обстоятельствам. Во-первых, у себя на родине он издал «Записки», в которых представил подробные характеристики русских вельмож, с которыми ему довелось близко общаться (Г.И. Головкин, М.М. и Д.М. Голицыны, А.И. Остерман, П.И. Ягужинский, И.Ю. Трубецкой и др.) [3]. А, во-вторых, он женился на вдове Т. Уорда – Джейн Гудвин, известной своими письмами о России.

Впервые о необходимости заключения союзного договора британцы заговорили в конце 1738 г. 15 декабря Рондо получил от лорда Гаррингтона послание, в котором тот объяснял необходимость заключения союзного договора, подчеркивая, что эта инициатива исходила от русского двора. Поначалу Англия не торопилась соглашаться на сделанное предложение, т.к. была удовлетворена заключением торгового договора. Теперь же дела приняли иной оборот, и потому король Георг II «не прочь... войти с царицей (Анной Иоанновной. – Т.Л.) в соглашение такого рода»⁴. Если русское правительство намерено сделать какие-либо предложения о начале соответствующих переговоров, продолжал Гаррингтон, то Рондо должен подтвердить, что они будут приняты «с удовольствием»⁵. Госсекретарь также предлагал послу привлечь к переговорам герцога курляндского Э.И. Бирона и вице-канцлера графа А.И. Остермана.

В последующем письме от 19 декабря 1738 г. лорд Гаррингтон подробно разъяснял, почему Великобритания проявила интерес к заключению договора. Он напоминал об усилении в Европе позиций Франции, вступившей в союз со Швецией и собиравшейся заключить такой же союз с Данией. В этой связи, «принимая в соображение настоящее опасное

⁴ Дипломатическая переписка английских послов и посланников при русском дворе // Сборник Императорского Русского исторического общества. Т. 80. СПб., 1892. С. 402.

⁵ Там же.

положение дел и поведение Франции... все державы, которые дорожат свободой Европы, не могут не ощущать крайнего смущения»⁶, – писал он. Беспокойство госсекретаря вызывало также недоброжелательное отношение к Англии и России лиц, находившихся у власти в Швеции. Учитывая вышесказанное, король поручил послу заверить русских министров в том, что он «готов и желает немедленно вступить с Ее Величеством в оборонительный союз к общей выгоде России и Англии»⁷.

В ответном послании Рондо заверял руководство внешнеполитического ведомства Великобритании, что герцог и вице-канцлер «с удовольствием примут всякое разумное предложение Его Величества»⁸, направленное к союзу Великобритании с Россией. В беседе с послом герцог курляндский заявил, что убежден в пользе для обеих сторон тесного сближения. Эти слова вселили надежду в посла на поддержку при заключении оборонительного союза. Что касается графа Остермана, то, на взгляд дипломата, он также «очень расположен исполнить желание короля»⁹, хотя и уверял, что России в этом направлении неудобно делать первые шаги. Если же Его Величеству будет угодно изложить предполагаемые условия союза, то государыня, которая относится к королю с уважением, «несомненно с готовностью примет все его разумные предложения»¹⁰, – заключал Остерман.

Подобная информация воодушевила Гаррингтона. 9 февраля 1739 г. он направил послу зашифрованное послание, в котором сообщал, что проект договора подготовлен и в ближайшее время будет ему переправлен для ознакомления. И вскоре проект договора был доставлен Рондо курьером. В сопроводительном письме лорд Гаррингтон обратил внимание на ряд положений документа, которые нуждались в разъяснении. Прежде всего, у госсекретаря вызывала сомнения разница в оказываемой сторонами друг другу помощи. «У нас сухопутного войска мало, едва достаточно для защиты королевства; нам всегда легче и удобнее оказать помощь военными судами, – писал Гаррингтон, – в свою очередь, суда полезнее царице, всегда располагающей могучей сухопутной армией. Эскадра явится из Англии на защиту царских владений очевидно скорее, чем корпус войск, который еще приходилось бы собирать

⁶ Дипломатическая переписка английских послов и посланников при русском дворе // Сборник Императорского Русского исторического общества. Т. 80. СПб., 1892. С. 405.

⁷ Там же. С. 406.

⁸ Там же. С. 413.

⁹ Там же. С. 417.

¹⁰ Там же.

для отправки»¹¹. С другой стороны, продолжал госсекретарь, король, не нуждаясь в усилении морских сил, предпочел бы получить от России помощь скорее людьми, чем кораблями. Гаррингтон подчеркивал: царица располагает достаточным количеством сухопутных войск, что позволит ей выслать корпус на помощь союзнику.

Затем Гаррингтон завел разговор о размере помощи. Как он писал, король ожидал получить от царицы 15 тыс. пехоты, которую удобнее было бы переправить в любое место королевских владений. Взамен король предлагал России поставить эскадру, вооруженную 800 пушками.

Гаррингтон обращал также внимание на обязательное исключение из договора пункта об оказании помощи России в случае ее военных действий против поляков, турок, персов, татар или других восточных народов. Король надеется, продолжал Гаррингтон, что помощь морских сил вряд ли может понадобиться против этих наций. Того же «требует и равномерность взаимных услуг: Его Величество не может подвергнуться нападению со стороны восточных народов; между тем владения царицы открыты нападению всех держав, против которых ей в силу договора придется защищать Англию»¹². Впрочем, госсекретарь допускал, что русская сторона потребует какого-либо вознаграждения за исключение из договора стран Востока. В таком случае, утверждал он, Россия может быть освобождена от обязанности помогать англичанам, если случится нападение на владения Его Величества в Америке.

Примечательно, что лорд Гаррингтон, передавая пожелания короля, советовал послу включить в первую статью проекта договора пункт о его бессрочном характере. Аналогичное условие предполагалось добавить и в уже заключенный торговый договор. Завершая свое послание, лорд Гаррингтон просил посла регулярно сообщать ему о ходе переговоров, непременно используя шифр, по-видимому, опасаясь, что о них узнает противник – Франция.

В депеше от 17 марта 1739 г. Рондо извещал лорда Гаррингтона о беседе с Остерманом, который «в самых решительных выражениях» уверял посла в готовности царицы «войти в ближайшие и прочные обязательства с королем»¹³. То же самое повторил и герцог курляндский, прибавив, что «пока он сохранит здесь какое-либо значение, он всегда будет склонять русский двор к дружбе с Великобританией и отстранять его от всяких соглашений с Францией»¹⁴. Из беседы с вице-канцлером

¹¹ Дипломатическая переписка английских послов и посланников при русском дворе // Сборник Императорского Русского исторического общества. Т. 80. СПб., 1892. С. 433.

¹² Там же. С. 414.

¹³ Там же. С. 443.

¹⁴ Там же.

Рондо выяснил, что проект договора подвергся корректировке с русской стороны. Во-первых, заметил граф Остерман, в нем не сказано, предполагается ли распространить действие трактата на германские владения короля (курфюршество Ганновер), или он должен касаться только земель британской короны. Посол отвечал, что речь идет обо всех королевских владениях, включая Ганновер, курфюрстом которого являлся Георг II. Затем граф, согласившись с пунктом об исключении восточных государств из действия договора, счел необходимым дополнить оказание помощи Англией в случае войны России с Польшей. Будучи убежденным в том, что исключение Польши в договоре между Великобританией и Россией вряд ли удовлетворит русский двор, Рондо госсекретаря изыскать средства, чтобы «обойти это затруднение»¹⁵.

Посол также интересовался у Гаррингтона, что отвечать российским министрам на вопрос, куда и как придется доставлять вспомогательные войска по требованию короля. «Если войска придется отправлять морем, не могу представить себе, как русский двор возьмется за это дело без помощи короля, без того, чтобы Англия не доставила нескольких судов для перевозки, – писал Рондо госсекретарю. – Если же вспомогательному корпусу придется идти сухим путем... в состав его в помощь пехоте необходимо придать несколько полков драгун»¹⁶.

Наконец, русских министров интересовало, какое количество судов король признает соответствующим условленным 800 орудиям. Завершая свое послание, Рондо заключал, что эти пункты, на его взгляд, грозят встретить наибольшие затруднения при переговорах. Потому он желал получить соответствующие инструкции, которые помогли бы ему заключить желаемый договор в возможно непродолжительное время.

24 марта 1739 г. Рондо извещал лорда Гаррингтона о состоявшейся беседе с герцогом курляндским. Бирон утверждал, что, прочитав присланный проект договора, он обратил внимание на отказ англичан оказать помощь России в случае нападения на нее со стороны Польши. На его взгляд, такая помощь для России является обязательной. Рондо всячески старался убедить герцога в том, что России опасаться нечего, зато короля можно будет склонить на оказание помощи царице в море, при транспортировке войск и амуниции. На это герцог отвечал, что для перевозки войск России достаточно и своих судов.

Спустя две недели граф Остерман сообщил послу, что проект оборонительного союза рассматривался в Тайном совете Ее Величества,

¹⁵ Дипломатическая переписка английских послов и посланников при русском дворе // Сборник Императорского Русского исторического общества. Т. 80. СПб., 1892. С. 444.

¹⁶ Там же. С. 445.

который высказал отдельные замечания. Существенные затруднения к заключению трактата, на взгляд Рондо, сводились к следующему. Во-первых, русский двор желал, чтобы король обязался помогать России против поляков, если они нападут на русские владения, а поскольку эскадра военных кораблей такой помощи оказать не может, посол полагал, что потребуется помощь сухопутных войск либо их замена деньгами. Во-вторых, продолжал Рондо, русские желают знать, куда могут быть употреблены их войска, кроме Англии, Фландрии или Германии. Кроме того, российская сторона считает нужным выяснить, каким путем эти войска должны быть отправлены: если сухим путем, то необходимо загодя получить согласие монархов, через владения которых предстоит следовать. Если войска должны переправляться по морю, то кто возьмет на себя расходы по обратной отправке, «когда в них минует надобность, или когда в них окажется нужда на родине для защиты собственной территории их государя»¹⁷. Русский двор, полагал Рондо, по-видимому, признает себя не в силах перевезти морем 15 тыс. чел. без помощи англичан и, сверх того, желал бы возложить на Великобританию заботы о продовольствии этих войск.

Третье, на чем настаивал граф Остерман, заключалось в том, что Россия не считает разумным возлагать на себя обязательства помогать Англии в случае ее «распри с Испанией, Португалией или в индейских колониях» точно так же, как англичане не желают помогать русским против татар, турок и персов¹⁸. Учитывая вышесказанное, посол приходит к выводу, что оказание помощи Россией в случае, если война с Испанией вызовет нападение на британцев со стороны Франции, должно быть ясно оговорено во избежание возможных недоразумений.

Ознакомив короля с посланием Рондо, Гаррингтон поручил послу довести до российских министров следующее. Во-первых, сфера действия договора должна распространяться на все владения Его Величества, включая Ганновер. Во-вторых, исключение Польши представляется королю вполне разумным, поскольку Россия не может подвергнуться нападению со стороны поляков. Даже в случае такого нападения обращение к помощи короля потребует от него только расходов без существенной пользы для России; «потому король не может и представить себе, чтобы русские министры стали настаивать на вопросе о Польше, особенно ввиду данного... разрешения в случае нужды взамен исключить [как район военных действий] Вест-Индию»¹⁹.

¹⁷ Дипломатическая переписка английских послов и посланников при русском дворе // Сборник Императорского Русского исторического общества. Т. 80. СПб., 1892. С. 453.

¹⁸ Там же. С. 454.

¹⁹ Там же. С. 456.

В-третьих, продолжал Гаррингтон, место, куда союзные войска должны быть направлены, вряд ли возможно оговорить заранее. Защита королевских владений не может быть ограничена определенной территорией, поэтому помощь должна быть направлена к месту, представляющему опасность для англичан. В-четвертых, если потребуются отправление русских вспомогательных войск морем, а царица затрудняется доставить необходимые для перевозки суда, то король готов оказать ей в этом помощь в известной мере.

В-пятых, Гаррингтон обращал внимание на то, что вспомогательные войска потребуются королю сухим путем для замещения других, призванных к защите его владений. В таком случае желательно в договоре оговорить включение в состав российского войска определенного количества драгун, сократив число пехоты, приравнивая треть пехотных солдат к одному кавалеристу или драгуну.

В-шестых, в проекте договора речь шла о 800 орудиях, но не упоминалось о количестве судов, которыми они будут вооружены. Однако, как утверждал госсекретарь, король готов «дать этому вопросу большую определенность» в договоре, распорядившись пояснить, какое число судов и какого типа российская сторона желала бы видеть в эскадре, вооруженной 800 орудиями²⁰.

Спустя несколько дней лорд Гаррингтон направил Рондо зашифрованную депешу. В ней он сетовал на затруднения, возникшие при русском дворе после всех уверений относительно договора; на медлительность, которую русские министры, ссылаясь на более важные дела, проявляют в рассмотрении проекта. «Если бы, однако, они действительно серьезно помышляли о трактате, ничто не могло бы казаться им более важным, чем предложенный союз»²¹, – утверждал госсекретарь.

Через месяц лорд Гаррингтон прислал послу новую депешу, в которой сообщал о подготовленном новом проекте оборонительного союза, составленном по приказанию короля после получения замечаний и пожеланий, высказанных русским двором. 25 мая 1739 г. госсекретарь переслал в Петербург документ, в котором подробно (постатейно) излагалась позиция Великобритании по замечаниям к договору.

Прежде всего, Гаррингтон обращал внимание на вводную статью к договору, в которой упоминалось о торговом трактате и статье о его возобновлении, входившей в первоначальный проект. В новой редакции подобное упоминание отсутствовало. Сделано это было для того, чтобы другие государства, желающие присоединиться к договору, не могли рассчитывать на преференции, получаемые англичанами от торгового

²⁰ Дипломатическая переписка английских послов и посланников при русском дворе // Сборник Императорского Русского исторического общества. Т. 80. СПб., 1892. С. 458.

²¹ Там же. С. 463.

трактата, и «не вызвали конкуренции, которую желательно было бы устранить на возможно долгое время»²². Кроме того, британскую сторону удивило, что Тайный совет императрицы «горячо восстает против бессрочности трактата»²³. В свою очередь, король настаивал на пролонгации его действия «на возможно долгое число лет»²⁴.

В первой статье проекта договора существенных изменений не было обнаружено, за исключением необходимого дополнения о том, что оказание помощи со стороны России распространяется на все владения Его Величества как короля и курфюрста Ганновера.

Статьи 2-я и 3-я были заимствованы из прежнего проекта без каких-либо изменений. В 4-й статье отмечалось, что вместо 15 тыс. чел. пехоты Россия в помощь королю должна будет выделить 10 тыс. пехоты и 2 тыс. кавалеристов или драгун. Со стороны Его Величества в помощь, предусмотренной первоначальным проектом, вместо эскадры с 800 пушками царице будет предоставлена эскадра с 640 пушками. Гаррингтон подчеркивал, что изменение в численности и составе русских войск сделано будто бы по желанию петербургского двора, считавшего, что в походе отряд кавалерии непременно должен сопровождать пехоту. «Хотя Его Величеству приятнее была бы помощь, состоящая исключительно из пехоты... он, тем не менее... соглашается допустить двухтысячный кавалерийский отряд и уменьшить численность пехотного корпуса с 15.000 до 10.000»²⁵. Как явствует из данного высказывания Гаррингтона, инициатива включения отряда драгун в состав войск будто бы исходила от российской стороны, между тем, именно англичане предлагали внести данные изменения, о чем Гаррингтон писал в депеше от 13 апреля 1739 г.²⁶

Большое внимание в проекте договора британская сторона уделила обоснованию уменьшения вооружения эскадры с 800 до 640 орудий. Предлагаемая взаимная помощь, писал лорд Гаррингтон, «вопреки кажущейся несоразмерности, установлена на началах полнейшего равенства»²⁷. Прежний проект предлагал и устанавливал соответствующими статьями, что как русские войска, так и королевская эскадра отправляются и снабжаются всем, что им необходимо, за счет отправителя. Теперь же Его Величество берет на себя снабжение русского

²² Дипломатическая переписка английских послов и посланников при русском дворе // Сборник Императорского Русского исторического общества. Т. 80. СПб., 1892. С. 478.

²³ Там же.

²⁴ Дипломатическая переписка английских послов и посланников при русском дворе // Сборник Императорского Русского исторического общества. Т. 80. СПб., 1892. С. 479.

²⁵ Там же. С. 480.

²⁶ Там же. С. 457.

²⁷ Там же. С. 480.

вспомогательного корпуса хлебом, фуражом, квартирами при сухопутном походе и перевозку его за собственный счет в случае отправки морем. Кроме того, король возлагает на себя те же заботы и тогда, когда вспомогательные войска будут возвращены или отозваны обратно. В то же время, сетовал госсекретарь, царица никаких подобных забот по отношению к вспомогательной эскадре на себя не берет. «Такая разница в расходах, при которой король принимает на себя траты, соответствующие по крайней мере четвертой части помощи, оказываемой Россией, должна быть уравновешена... для соблюдения надлежащей взаимности»²⁸, – подчеркивал Гаррингтон. На его взгляд, «самым подходящим способом уравнивания»²⁹ представляется уменьшение помощи, требуемой от короля; поэтому эскадра Его Величества по числу орудий приравнивается к 12 тыс. пехоты, т.е. к трем четвертям помощи, требуемой от России. Остальная четверть «с лихвой оплачивается вышеозначенными чрезвычайными расходами», возложенными на Его Величество³⁰.

Далее лорд Гаррингтон остановился на разъяснении «совершенно новой статьи» договора. Речь шла о замене помощи каждой из сторон в денежном эквиваленте. Сообразно с естественными силами союзников, продолжал госсекретарь, сухопутная помощь невозможна для Англии, морская – немыслима для России, потому и решено, что помощь Его Величества должна состоять из военных кораблей, помощь царицы – из войск сухопутных. Однако русские министры утверждают, будто возможны случаи, при которых вспомогательная эскадра бесполезна, и спрашивают, какого рода помощью она может быть заменена в таком случае? С другой стороны, и англичане могут оказаться участниками войны, при которой сухопутный отряд для них окажется бесполезен. «С целью устранить затруднения, – пояснял госсекретарь, – король приказал внести в новый проект пятую статью, которая постановляет, что в обозначенном случае стороны заменят вспомогательные силы ежегодной суммой денег на покрытие военных расходов»³¹. Примечательно, что Гаррингтон не называл точные размеры финансовой помощи, предлагая послу «проставить возможно низкую цифру»³². Король желал, чтобы Рондо сначала попытался предложить 60 тыс. фунтов стерлингов, но не соглашался на сумму, превышающую 100 тыс. фунтов стерлингов.

²⁸ Дипломатическая переписка английских послов и посланников при русском дворе // Сборник Императорского Русского исторического общества. Т. 80. СПб., 1892. С. 480–481.

²⁹ Там же. С. 481.

³⁰ Там же.

³¹ Дипломатическая переписка английских послов и посланников при русском дворе // Сборник Императорского Русского исторического общества. Т. 80. СПб., 1892. С. 482.

³² Там же.

Наиболее серьезные возражения британской стороны вызвали 15-я и 16-я статьи, которые Гаррингтон не мог признать справедливыми. Речь шла об отказе русского правительства оказывать помощь британцам в случае нападения на них со стороны Испании или Португалии, а также решительное требование помощи от Англии, если против России выступит Польша. «Его Величество не может согласиться на такие условия, особенно в настоящее время, когда здесь среди народа господствует опасение войны с Испанией, – продолжал госсекретарь, – и исключение ее из *casus foederis* (момент вступления договора в силу. – *Т.Л.*) может повлечь за собой странные разъяснения, хотя в действительности очень сомнительно, чтобы нам когда-либо пришлось прибегать к помощи России против Испании»³³. Тем не менее, Его Величество, чтобы «всеми возможными мерами облегчить заключение союза»³⁴, 16-й статьей освобождает русские войска от службы в Испании, Португалии, Италии. Что же касается первоначального предложения англичан об исключении Польши из числа государств, против которых они обязуются помогать России, то оно должно остаться в силе. Но, чтобы «уравновесить наш отказ от помощи против турок, татар, персов и прочит восточных народов, Россия освобождается от обязательства помогать нам при вторжении в американские или вообще внеевропейские владения Его Величества»³⁵, – заключал Гаррингтон.

Госсекретарь упомянул также о 17-й, 18-й и 19-й статьях, в которых речь шла «об условиях бóльшей помощи, если бы таковая понадобилась»³⁶, о недопущении сепаратного мира, неприкосновенности прежних обязательств договаривающихся сторон относительно других держав, поскольку все это было заимствовано из проекта трактата, о котором Великобритания вела переговоры с царем Петром I, и потому эти статьи не представляют каких-либо затруднений.

Что касается 20-й статьи, касающейся привлечения к договору других государств, то она была составлена в общих выражениях, как и в первоначальном проекте. Его Величество, писал Гаррингтон, намерен добиться присоединения к союзу голландских Генеральных штатов, но в настоящее время не считает удобным упоминать о них в трактате особо. Король предполагал вначале ознакомиться с настроением правителей Голландии, увериться в благоприятном исходе дела, и только

³³ Дипломатическая переписка английских послов и посланников при русском дворе // Сборник Императорского Русского исторического общества. Т. 80. СПб., 1892. С. 484.

³⁴ Там же.

³⁵ Дипломатическая переписка английских послов и посланников при русском дворе // Сборник Императорского Русского исторического общества. Т. 80. СПб., 1892. С. 485.

³⁶ Там же.

затем сообщить о договоре. «Таким образом, мы избежим опасности получить открытый отказ и обнародовать вновь установившиеся отношения наши без уверенности в содействии Штатов»³⁷, – заключал госсекретарь.

Подводя итог сказанного, лорд Гаррингтон советовал послу, как того требовал король, не связывать себя точным повторением присланных возражений, разрешая уступать русским министрам «в изменении выражений, без искажения сущности дела»³⁸.

21 июня 1739 г. в депеше лорду Гаррингтону Рондо сообщал, что все еще не может сказать «ничего положительного» об успехе проекта союзного договора, который переводится на русский язык для представления Ее Величеству. Из разговора, который он имел с герцогом курляндским и графом Остерманом, посол заключал, что оба они благоприятно настроены и пока никаких возражений на проект не делают. Все это вселяло надежду в Рондо, что он сможет заключить трактат согласно желаниям короля.

Спустя месяц Гаррингтон пришел к заключению, что русский двор откладывает свой ответ на проект оборонительного союза и потому советовал послу не подписывать вообще никакого договора, не получив предварительно дальнейших указаний от Его Величества. Это были последние инструкции по поводу союзного договора, полученные Рондо от госсекретаря. 5 октября 1739 г. Рондо скончался. Продолжить переговоры о заключении оборонительного договора выпало на долю уже другого посла Великобритании – Эдварда Финча.

Длительная эпопея с подготовкой и подписанием российско-британского оборонительного договора завершилась в 1741 г., однако его превращение в жизнь замедлилось из-за дворцового переворота, в результате которого к власти пришла дочь Петра I – Елизавета Петровна. Хотя английский король ратифицировал союзный договор, Россия сделать это отказалась из-за нежелания Англии оказать ей помощь в начавшейся в августе 1742 г. войны со Швецией. По условиям договора, стороны обязались в случае нападения на одну из них оказать военную помощь друг другу. Англия должна была выставить 12 кораблей, вооруженных 700 пушками, Россия – 10 тыс. пехоты и 2 тыс. конницы. Союзный договор исключал оказание помощи России в случае ее войны с Турцией, Ираном или крымскими татарами. Россия, в свою очередь, отказывала Великобритании в помощи в случае ее войны с Испанией, Португалией

³⁷ Дипломатическая переписка английских послов и посланников при русском дворе // Сборник Императорского Русского исторического общества. Т. 80. СПб., 1892. С. 485.

³⁸ Там же. С. 486.

и на территории Италии. Отдельной статьей был продлен на 20 лет торговый договор 1734 г. Действие союзного договора распространялось первоначально также на 20 лет [8, с. 229]. Между тем, в 1742 г. российско-британские переговоры возобновились и завершились подписанием в Москве договора, воспроизводившего условия предыдущего трактата, и его ратификацией российской стороной. Новый договор был заключен на 15 лет. Его продлением британской дипломатии пришлось заняться уже в правление Екатерины II [5, с. 73–139].

Как мы могли убедиться, подготовка союзного договора Великобритании и России велась в условиях продолжительных и ожесточенных споров сторон. Британская дипломатия, прежде всего, в лице Рондо и лорда Гаррингтона, приложила немало усилий, чтобы добиться максимальной выгоды при его заключении. Выдержку, хладнокровие и умение лавировать в сложных ситуациях проявила и российская сторона. Между тем, британское правительство так и не выполнило одно из главных условий союзного договора, отказав выслать эскадру кораблей в Балтийское море, когда Россия в 1742 г. вступила в войну со Швецией. Таким образом, договор, являвшийся камнем преткновения в дипломатической дуэли сторон, не был реализован на практике, оставшись, по сути дела, лишь на бумаге.

Библиографический список / References

1. Демкин А.В. Русско-британские торговые отношения в XVIII веке. Сб. документов. М., 1994. [Demkin A.V. Russko-britanskiye trgovyye otnosheniya v XVIII veke [Russian-British trade relations in the 18th century]. Collection of documents. Moscow, 1994.]
2. Петербургские союзные договоры Петербургские союзные договоры / Дипломатический словарь / Сост. А.Я. Вышинский, С.А. Лозовский. М., 1948. URL: <http://niv.ru/doc/dictionary/diplomatic/articles/53/peterburgskie-soyuznye-dogovory.htm> (дата обращения: 22.03.2021) [Petersburg treaties of allies. *Diplomatičeskij slovar*. A.I. Vyshinsky, S.A. Lozovsky (comp.). Moscow, 1948. (In Rus.)]
3. Записка о некоторых вельможах русского двора в 1730 году // Чтения Московского общества истории и древностей. СПб., 1861. Кн. II. С. 1–9. [A note about some noblemen of the Russian court in 1730. *Chteniya moskovskogo obshchestva istorii i drevnostey*. St. Petersburg, 1861. Book II. Pp. 1–19. (In Rus.)]
4. Киселев А.А. Великобритания в системе международных отношений конца XVI – первой половины XVIII века // Вестник ВолГУ. Серия 4. История. Регионоведение. Международные отношения. 2007. № 6. С. 8–15. [Kiselev A.A. Great Britain in the system of international relations at the end of the 16th – first half of the 18th century. *Science Journal of VolSU. History. Area Studies. International Relations*. 2007. No. 6. Pp. 8–15. (In Rus.)]

5. Лабутина Т.Л. Британские дипломаты и Екатерина II. Диалог и противостояние. СПб., 2019. [Labutina T.L. Britanskiye diplomaty i Yekaterina II. Dialog i protivostoyaniye [British diplomats and Catherine II. Dialogue and confrontation]. St. Petersburg, 2019.]
6. Лебедев В.В. Русско-английские торговые отношения и договор 1734 г. // Ученые записки МГУ. Вып. 167. М., 1954. С. 121–131. [Lebedev V.V. Russian-English trade relations and the treaty of 1734. *Uchenyye zapiski MGU*. Issue 167. Moscow, 1954. Pp. 121–131. (In Rus.)]
7. Остроухов П.А. Англо-русский торговый договор 1734 г. СПб., 1914. [Ostroukhov P.A. Anglo-russkiy trgovyy dogovor 1734 g. [Anglo-Russian trade agreement 1734]. St. Petersburg, 1914.]
8. Соколов А.Б. Навстречу друг другу. Россия и Англия в XVI–XVIII вв. Ярославль, 1992. [Sokolov A.B. Navstrechu drug drugu. Rossiya i Angliya v XVI–XVIII vv. [Towards each other. Russia and England in the XVI–XVIII centuries]. Yaroslavl, 1992.]
9. Anderson M.S. Discovery of Russia. 1553–1815. L.; N.-Y., 1958.
10. Lodge R.N. The First Anglo-Russian treaty 1739–1742. *English Historical Review*. 1928. Vol. XLIII. Pp. 354–375.
11. Malcolm-Smith E.T. British diplomacy in the 18-th century. 1700–1737. L., 1937.
12. Marriott J.A.R. Anglo-Russian relations 1689–1943. L., 1944.
13. Reading D.K. The Anglo-Russian commercial treaty of 1734. New Haven, 1938.

Статья поступила в редакцию 20.04.2021, принята к публикации 27.05.2021
The article was received on 20.04.2021, accepted for publication 27.05.2021

Сведения об авторе/ About the author

Лабутина Татьяна Леонидовна – доктор исторических наук, профессор; главный научный сотрудник Центра истории межкультурных коммуникаций стран Запада и Востока, Институт всеобщей истории Российской академии наук, г. Москва

Tatyana L. Labutina – Dr. Hab. in History; chief researcher at the Center “History of cross-culture communications of the West and East”, Institute of World History, Russian Academy of Sciences, Moscow

E-mail: tlabutina2007@yandex.ru